

УДК 930.94(47)"16"

**ЧЕЛОБИТНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МОСКОВСКИХ
ЧИНОВ ГОСУДАРЕВА ДВОРА 40-х ГОДОВ XVII СТОЛЕТИЯ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ И СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ**

М.Р. Белоусов

Аннотация

В статье исследуются информативные возможности неопубликованных челобитных 40-х годов XVII века при изучении взаимодействия верховной власти и служилых людей московских чинов Государева двора. Челобитные классифицируются по содержанию, выявляются особенности отражения в них интересов представителей московских чинов (главным образом жильцов) и специфика учёта этих интересов верховной властью. Изучение различных групп челобитных позволяет сделать вывод о стремлении верховной власти сформировать из столичных служилых людей основной кадровый резерв военной и административной службы.

Ключевые слова: челобитные, Государев двор, верховная власть, служилые люди, московские чины, жильцы.

В статье «Государев двор и боярская аристократия в послесмутное время» А.П. Павлов на основе источниковедческого изучения документов приказного делопроизводства пришёл к выводу о том, что «первая половина XVII в. явилась важным этапом на пути формирования новой придворной аристократии, представителей которой, от знатных князей до выдвигенцев из новых родов... объединяла принадлежность к правящей, связанной с царской семьёй группировке» [1, с. 651]. При этом «замкнутая чиновно-сословная структура двора, сложившаяся к концу XVI в., служила серьёзным препятствием для проникновения в среду знати обычных представителей рядового уездного дворянства» [1, с. 646]. В нашей статье, посвящённой анализу политики верховной власти в отношении московских чинов двора в середине XVII в., в развитие выводов А.П. Павлова сделано заключение о том, что «верховная власть целенаправленно формировала структуру московских чинов Государева двора и их персональный состав, определяя характер и виды службы едва ли не каждого члена двора» [2, с. 119].

Поскольку положение представителей московских чинов двора (стольников, стряпчих, дворян московских и жильцов) среди служилых людей по отечеству являлось привилегированным, необходимо прояснить вопрос об их интересах и специфике учёта этих интересов верховной властью. В определённой степени позволяют это сделать челобитные служилых людей царям Михаилу Фёдоровичу и Алексею Михайловичу. В настоящем исследовании привлекаются

челобитные 40-х годов XVII в., поданные через Разрядный приказ. Такое ограничение комплекса источников связано прежде всего с тем, что именно Разряд, помимо прочих функций, выполнял функцию «кадрового ведомства», а следовательно, «все существенные моменты жизни [служилых людей по отечеству. – М.Б.] – от физического состояния до любых служебных перемещений – фиксировались в Разряде» [3, с. 234].

Помимо этого, к середине XVII в., по мнению ряда исследователей, относится начало формирования абсолютизма в России (см. [4, с. 38]), а служилые люди московских чинов – наряду с боярством – являлись главной опорой самодержавной царской власти (см. [5, с. 323, 366]). Следовательно, челобитные служилых людей московских чинов 40-х годов XVII в. отражают не только личные, индивидуальные чаяния конкретных членов двора, но и их коллективные устремления, характеризующие социальную группу в целом. Без учёта этих устремлений и реакции на них со стороны верховной власти вряд ли возможно понять природу самодержавного абсолютизма.

Процедура рассмотрения челобитных и вынесения по ним решений (на материале челобитных представителей городских служилых корпораций 7185/1676–77 г.) подробно рассмотрена в новейшей монографии О.В. Новохатко (см. [3, с. 255–295]). Как указывает исследовательница, «служилые люди писали челобитные на имя государя и, за некоторым исключением... подавали их в тот приказ, в ведении которого находились» [3, с. 254]. Поскольку московскими чинами Государева двора ведал Московский стол Разрядного приказа, то в настоящей статье привлекаются данные 115 челобитных, отложившихся в столбцах этого стола. Крайние даты документов: ноябрь 7149/1640 г. (I, л. 121 об.) – октябрь 7157/1648 г. (I, л. 253 об.).

По содержанию исследованные челобитные можно объединить в несколько групп:

- 1) о пожаловании в чин (I, л. 25, 28, 29, 31–33, 35–37, 40, 41, 44, 46, 50, 51, 54–56, 59, 60, 65, 66, 68, 73, 74, 76–80, 82, 85–88, 90, 94–99, 101–107, 109–111, 120–127, 137–139, 141–147, 149, 150, 152, 153, 178);
- 2) о записи имени служилого в чиновный перечень (I, л. 67, 100);
- 3) о поверстании поместным окладом и денежным жалованьем (I, л. 128–136, 155–176, 179–183, 195–202);
- 4) о выдаче денежного жалованья (I, л. 1);
- 5) об отправлении на полковую службу (I, л. 35, 80, 89, 105);
- 6) об отпуске на воеводскую службу в город со служилым человеком его родственника (сына, племянника) (I, л. 9, 11, 19, 22, 75);
- 7) об отмене «доправки прогонов» за отсутствие на службе (I, л. 2);
- 8) о записи имени служилого в «нетях» (I, л. 23);
- 9) об отпуске в деревню для сбора на полковую службу (I, л. 17);
- 10) об отпуске со службы в деревню (I, л. 3, 8, 250, 253, 254, 256, 260–264);
- 11) об отпуске со службы для возвращения беглых (I, л. 5, 10, 24);
- 12) об отпуске со службы на богомолье (I, л. 7, 15, 18, 21, 112, 114, 116, 117, 260, 266);
- 13) об отпуске со службы для погребения родственника (I, л. 12);
- 14) об отсрочке в судебных делах (I, л. 256, 262, 263).

Рассмотрим некоторые, наиболее важные с точки зрения исследования взаимодействия верховной власти и служилых людей, группы челобитных представителей московских чинов Государева двора.

Все 69 изученных челобитных о пожаловании в чин содержат просьбы царю Михаилу Фёдоровичу «быть у себя, государя, в житье» (I, л. 29). И хотя, как отмечает А.П. Павлов, «жильцы и не играли столь значительной роли в делах управления страной, как представители других чинов столичного дворянства (стольники и дворяне московские), в общей системе служилых чинов Московского государства этой группе принадлежало весьма заметное место... В послесмутное время жильцы... становятся главным резервом пополнения состава московских дворян и других высших московских чинов» [6, с. 313].

Традиционная формула просьбы челобитчика о пожаловании его в жильцы завершается фразой: «Вели, государь, мн[е] быть при своей, царьской, светлости в житье» (I, л. 56). Однако иногда челобитчики опускали название желаемого чина: «Вели, государь, мне быть при своей, царской, светлости, как тебе, праведному государю, Бог известит» (I, л. 78); «Вели, государь, мне быть при своей, государско [sic], светлости в чину, в каком ты, государь, укажешь, а опричь Бога да тебя, праведново государя, никою себе помощника не имею» (I, л. 85).

Судя по всему, обычной практикой являлась подача челобитной о пожаловании «в житье» не самим «соискателем» чина, а его старшим родственником, служившим в одном из московских чинов Государева двора, что должно было засвидетельствовать обоснованность желаемого: «Бьет челом... Гришка Чирков. Служу я... из житья и по московскому списку всякие... государевы службы тритцать шесть лет, и нынча... поспел у меня... в... государеву службу сынишко мой, Якунка... Вели, государь, сынку моему жить при своей, царьской, светлости у себя, государя, в житье» (I, л. 32); «Бьет челом... Ловрушка Роевской. Племянничка... мой, Дорофейка Онофреев сын Роевского, не приказан ни в ка[кой] чин... Вели, государь, е[му быть] при своей, царьской, светлости в житье» (I, л. 55); «Бьет челом... Офонка Истомина сын Пашков... Вели, государь, братишку моему, Кондрашку Пашкову, до [sic] сынишку моему, Еремки, быть при своей, царской, светлости у себя, государя, в житье» (I, л. 145). Иногда такую челобитную подавал родственник по женской линии: «Бьет челом... истопничай Ромашко Бегичав [sic]... Вели, государь, быти при с[воей], царьской [sic], светлости в житье внуцишку моему, Сеньки [Ва]сильеву сыну Гоцкому» (I, л. 59); «Бьет челом... Ивашка Урусов... Вели, государь, племянникам моим, Якушку да Петрушки Даниловым детям Лвова, жить при своей, государьской, светлости в житье» (I, л. 60).

Последнее обстоятельство ясно показывает, что для получения низшего из московских чинов важное значение имела даже не принадлежность «соискателя» к роду, закрепившемуся на столичной службе, но шире – включённость его в систему родственных связей внутри Государева двора. Хотя в исследуемом комплексе документов находит подтверждение и наблюдение А.П. Павлова об обусловленности привязанности жильцов к дворовой службе «положением при дворе как их отцов, так и рода в целом», вследствие чего жильцы в своих челобитных «стремились всячески доказать, что... их родственники служат “по московскому списку”» [6, с. 313–314]. Так, С.А. Подгорецкий в своей челобитной

написал: «Служу я... тебе, государю, по московскому списку, а сынишка у меня... Ивашка, поспел... в службу... Вели, государь, сынишку моему, Ивашку, быти при своих, государьских, светлых очех в житье, чтобы... сынишку моему в забвеньи не быть» (I, л. 65). И.Г. Степанов указал на дворовые службы ближайших родственников: «Служил тебе, государю, отец мой, Гаврило Степанов, во дворе в стряпчих, а дядья мои – Ондрей Степанов служил, и ныне служит Федор Степанов – в дьяцех, а я... ни в какой твой, государев, чин не приказан... Вели, государь, мне за службу отца моего и дядьяв моих быть при своей, царской, светлости в житье» (I, л. 68). С.М. Коновницын подчеркнул отсутствие у себя связи с «городовой» служилостью: «Отец мой служил тебе, государю, по московскому списку, и родители мои, дядья и братья, служат тебе, государю, по московскому ж списку, а иные из житья, а я... з городом нигде не служивал» (I, л. 94). Аналогичные аргументы содержатся в челобитной Т.И. Щербачёва: «Отец, государь, мой служил тебе... по московскому списку. Дяди и братья тебе... служат по московскому списку, а иные родители в житье... Вели, государь, мне быть при своей, царской, светлости в житье, а з городом я... не верстан и у розбору не объявился нигде» (I, л. 149).

Наиболее показательно иллюстрирует наблюдение А.П. Павлова резолюция на челобитной С.Г. Киреевского. Так, челобитчик просил царя пожаловать его «для своего, государского, многолетново здравия... в житье», обосновывая это тем, что «дядья и братья служат... по московскому списку, а иные... из житья» (I, л. 102). Пометы же на его челобитной свидетельствуют, говоря словами А.П. Павлова, о положении при дворе рода Киреевских в целом. Первоначально было велено «по государеву указу написать ево в жилецкой списак и ко кресту привести», а затем, учитывая службу «родителей» по московскому списку, царь указал вновь пожалованного жильца «написать в московских же дворянях» (I, л. 102 об.).

Интересно в связи с этим отметить, что двое «соискателей» жилецкого чина в качестве обоснования своих притязаний указывают лишь службу своих отцов в выборных дворянах (по Ярославлю и Галичу), чине уже не дворовом к 1640 г., и не сообщают о каких-либо военных заслугах родственников (см. (I, л. 99, 141)). Тем не менее и тот, и другой были пожалованы «в житье» (см. (I, л. 99 об., 141 об.)).

Из военных же заслуг родственников челобитчиков – «соискателей» чина чаще всего упоминается участие в Смоленской войне: «Отец, государь, мой съслужил тебе... из Великова Новагорода, и на твоей, государевой, съслужбе под Смоленском отца моего не стало перед отходом за два дни» (I, л. 44); «В прошлом, государь, во 141 году от[е]ц мой был на твоей, государевой, службе пот Смоленским с приходу и до отходу, и в осаде сидел, ранен, живот свой мучил за тебя... и всякою осадною нужу и голот те[r]пел... Пожалуй меня... за отца моего сужьбу [sic], и за кровь, и зо осадное смоленское с[иденье], и зо полное терпенья, и за смерт[ь] родителей моих, которья побиты [пот Смо]ленским, вели, государь, мне быть при своей, царск[ой], светлости в жьтье [sic]» (I, л. 54).

Судя по пометам на челобитных, для высшей власти указанный аргумент неоспоримо свидетельствует в пользу «соискателей» чина. Так, на обороте челобитной о пожаловании «в житье» Ф.С. Тихменева, в которой сообщается, что его

«отец... служил по Ярославлю Большому по выбору и умер на... государеве службе под Смоленским», сделана помета: «149-го августа в 8 день государь пожаловал, велел быть в житье, будет отец умер под Смоленском» (I, л. 104–104 об.).

В некоторых случаях для проверки сведений челобитной, в том числе об участии родственников в Смоленской войне, в Разрядном приказе делалась выписка. Так, в челобитной Н.И. Строилова сообщается: «Отец мо [sic], Игнатей, служил прежним государем и тебе, государю, из житья лет больши тритцати. И как посланы города под Смоленск, и отец мой написался по городу по Юрьеву и до отходу был под Смоленском... А я, бедной, один остался, а в службу поспел... Вели, государь, мне быть при своей, царской, светлост[и], у себя, государя, в житье жить» (I, л. 123). На обороте челобитной сделана помета: «149-го генваря в 28 день государь пожаловал, велел выписать, как отец служил» (I, л. 123 об.). В разрядной выписке по челобитной подробно излагается служебный путь отца «соискателя» чина и особое внимание уделяется его участию в Смоленской кампании: «В жилецких списках прошлых лет по 139-й год Игнатей Петров сын Стромилов написан в житье. А в прошлом, во 139-м, году Игнатью Стромилову, по челобитью, велено служить з городом по Юрьеву Польскому. А в юрьевской в розборной десятне роз[бо]ру и денежные роздачи намесн[ика] Михайла Шеина да дьяка Сте[па]на Угодцково 138-го и 139-го го[ду] написано: Выбор. Игнатей Петров сын Стромилов. Государева ему жалованья для службы дано – 1-я статья – 25 рублей. И, по наряду, Игнатью Стромилову велено быть на государеве службе под Смоленским с Михайлом Шеиным с то[ва]рыщи. А в списке, каков список прис[лали] в Розряд ис Приказу сыскных дел бояре князь Иван Иванович Шуйской с товарищи апреля в 2 день 142-го году, которые дворяне и дети боярские были на государеве службе под Смоленским до отходу Михайла Шеина с товарищи, февраля по 19 число 142-го ж году, юрьевец Игнатей Стромилов написан был на государеве службе под Смоленским до отходу. И Микита Стромилов сказал, что отец ево, Игнатей, идучи ис-под Смоленска с осадные нужи, на дороге умер» (I, л. 124–125). На основании результатов проведенной проверки по севам листов челобитной и выписки была сделана помета: «149-го февраля в [...] день го[сударь по]жалов[ал], велел написать по жилецкому списку» (I, л. 123–126).

Очевидно, что пожалование в жильцы и запись вновь пожалованного в жилецкий список были разделены во времени. Так, судя по пометам на челобитной, государь пожаловал С.И. Кудрявого «в житье» 6 июня 7149/1641 г., а дьяческая резолюция «написать ево в списак и ко кресту привести» датирована 7-м июня (I, л. 97 об.). 6 января 7149/1641 г., судя по помете на челобитной, адресованной «диоком думному Ивану Гавреневу да Григорью Ларионову», царь Михаил Фёдорович пожаловал «в житье» Б.П. Айгустова. Другая помета на той же челобитной свидетельствует, что фактическое исполнение царского указа состоялось лишь спустя более чем неделю: «149-го генваря в 15 день написать в список и ко кресту привести» (I, л. 28 об.).

Иногда вновь пожалованные в жильцы так и не были включены в жилецкий список. Об этом говорят две челобитные. Так, В.И. Травин сообщает, что «в нынешнем [sic] ... во 149 году на Благовещенье пресвятыя Богородицы [25 марта 1641 г. – М.Б.]» он был пожалован «в житье», но имя его не внесено в список.

Пометы на челобитной свидетельствуют, что государь велел написать его «по жилецкому списку», что и было исполнено «мая в 1 день» (I, л. 67–67 об.). Причина невключения в список становится понятной из челобитной Е.М. Норова. Он, в частности, указывает: «Бил я челом тебе, государю, чтоб ты... меня... пожаловал, велел быть при своей, царьской, светлости в житье. И ты, государь, меня... пожаловал, велел мне быть при своей, царьской, светлости в житье. И в жилецкой список меня... не напушут [sic: должно быть *напишут*. – М.Б.], потому что думной дьяк Иван Гавренев твоего, государева, приказу не слышал. А отец, государь, мой и родители мои служат тебе... по Коломне по выбору, а был... отец мой под Смоленским с приходу и до отходу» (I, л. 100). Ссылка Е.М. Норова на смоленскую службу отца повлекла наложение следующей резолюции: «149-го июня в 19 день государь пожаловал, будет под Смоленском отец ево был до отходу, написать ево по жилецкому списку», однако пометы об исполнении царского указа на челобитной нет (I, л. 100 об.).

Десять челобитных из исследованного комплекса содержат просьбы жильцов о поверстании новичным поместным окладом и денежным жалованьем (см. (I, л. 128, 133, 155, 160, 165, 168, 170, 179, 195, 199)). Все эти челобитные сопровождаются разрядными выписками. Наличие последних обусловлено двумя причинами. Во-первых, в качестве обоснования назначения поместного оклада и денежного жалованья жильцы приводят сведения о своей предшествующей службе, а во-вторых, размеры оклада и жалованья определялись на основании прецедентов – окладов и жалований лиц, которым челобитчик «отечеством и службою в версту» (I, л. 128, 165, 168, 195). Разрядная выписка, таким образом, содержит проверочную информацию о служебных назначениях жильца и размеры окладов и жалований «братьи» (I, л. 133, 160, 168, 199) челобитчика. Как указывает О.В. Новохатко, «руководствуясь соотношением собственных заслуг просителя и чинами, службами и окладами его родственников [необходимо добавить: и служилых людей того же чина. – М.Б.], руководство Разряда могло вынести решение о размере новичного оклада для челобитчика» [3, с. 264].

Так, в своей челобитной жилец М.Ф. Хоненев, обосновывая просьбу о поверстании поместным окладом и денежным жалованьем, указывает заслуги отца и сообщает о собственной служебной деятельности: «Служил, государь, отец мой вам, государем, сорок семь лет и от ран старостью был увечен, и в прошлом... во 148-м, году волею Божию отца моего не стало. А я... у отца своего меньшей сынишка, тебе, государю, за отца своего служил: был на твоей, государеве, службе на Кропивне в прошлом, во 144-м, году с воеводою с князь Никитою Борятинским. Да я же... был на... службе в прошлом, во 147-м, году на Туле з бояры и воеводы с князь Дмитрием Мамстрюковичем Черкасским с товарищи. Да я же... был в прошлом, во 149-м, году на... третьей службе на Туле ж за себя стольником и воеводою с князь Яковом Куденетовичем Черкасским с товарищи» (I, л. 170). На обороте челобитной сделана характерная помета: «150-го мая в 27 день государь пожаловал, велел выписать» (I, л. 170 об.). Выписка подтвердила все сообщавшиеся челобитчиком сведения о службе, и, кроме того, в ней указано, что М.Ф. Хоненев был пожалован «в житье» в 7149 г., а «отцу ево, Михайлову, Федору Кузмину сыну Хоненеву, помесной оклад в боярской книге 137-го году 900 четьи, денег 34 рубли» (см. (I, л. 171–174)).

Для установления М.Ф. Хоненеву новичного поместного оклада и денежного жалованья были выписаны в форме перечня размеры окладов и жалованний других жильцов – его «братья». Наиболее высоким из них являлся оклад в 400 четьи и 10 рублей, а самым низким – в 350 четьи и 8 рублей. Из жилецкого «подлинного» списка «нынешняго 151-го году» подьячий выписал оклады старших братьев челобитчика: у «большого ево брата Петра» значился оклад «550 четьи, денег из Чети 19 рублей», а «другому ево большому брату Федору» был назначен оклад «400 четьи, денег 14 рублей» (см. (I, л. 174–176)). Основываясь на сведениях разрядной выписки, «151-го июля в 30 день государь пожаловал, велел ему [М.Ф. Хоненеву. – М.Б.] аклад учинить 400 чети, денег ис Чети десять руб.» (I, л. 170–176 по сставам), то есть наиболее высокий среди тех жильцов, которые были челобитчику «отечеством и службою в версту». Кроме того, для выплаты денежного жалованья «память дана в Костромскую четь» (I, л. 176) (из Четвертных приказов, в том числе Костромской четверти, «производилась выплата жалования дворовым» [7, с. 77]).

Как показывает «дело» М.Ф. Хоненева, от вынесения решения о составлении выписки до поверстания окладом и жалованьем прошло 14 месяцев. Насколько можно судить по имеющимся материалам, в большинстве случаев этот срок был существенно короче: от двух (см. (I, л. 128–132 по сставам, 128 об.)) и четырёх (см. (I, л. 199–202 по сставам, 199 об.)) дней до 8.5 месяцев (см. (I, л. 155–159 по сставам, 155 об.)). Лишь в одном «деле» – по челобитной жильца К.Г. Шафрова – поверстание состоялось более чем через 4 года после принятия решения о составлении выписки (4 января 7150/1642 г. – 27 февраля 7154/1646 г.) (см. (I, л. 195–198 по сставам, 195 об.)). Чем объясняется такая «оперативность», сказать сложно.

Необходимо также обратить внимание на содержащиеся в выписках перечни лиц, которым челобитчики «отечеством и службою в версту». Как указывалось выше, это тоже жильцы, поверстанные новичными окладами («и выписаны на пример жилцы, которые верстаны вновь» (I, л. 157)). Собственно, величины поместного оклада и денежного жалованья играют в перечнях роль подзаголовков. Очевидно, перечни составлялись на основе жилецких списков, поскольку, как отмечает М.П. Лукичѳв, в жилецких списках «имена жильцов расположены по величине сначала поместных окладов, а внутри этих групп – денежных», и «цифры, означающие размеры окладов, являлись своеобразными рубриками» [7, с. 80]. В совокупности перечней рассматриваемых выписок указанными подзаголовками (рубриками) являются оклады «по 400 четьи» (денег по 10, 9, 8, 7 руб.), «по 350 четьи» (по 10, 9, 8, 7, 6 руб.), «по 300 четьи» (по 7, 6 руб.), причѳм наличие каждого из 11 указанных окладов-подзаголовков в конкретной выписке необязательно. Персональный состав «выписанных для примера» жильцов в перечнях выписок, даже сделанных почти одновременно, различается, хотя в последних имеются совпадения. Так, составы жильцов в выписках конца марта 7149/1641 г. по челобитной Б.А. Ошанина (19 человек) и конца июля 7149/1641 – середины апреля 7150/1642 г. по челобитной М.А. Бестужева (22 человека) отнесенительно близки: имена 9 лиц совпадают (см. (I, л. 131–132, 157–159)).

И в то же время в составах жильцов в перечнях выписок, сделанных по челобитным титулованных и нетитулованных лиц, обнаруживаются существенные

отличия. Так, из 8 жильцов, значащихся с новичными окладами «по 400 четьи» (денег по 10 и 9 руб.) в перечне выписки середины января – конца мая 7150/1642 г. по челобитной кн. С.С. Гундорова (окончание перечня, видимо, утрачено), семеро имеют княжеский титул (это князья Мещерские, Львов, Путятин, Козловский и Вяземский) (см. (I, л. 167)), в то время как среди 7 жильцов, перечисленных в тех же статьях перечня выписки второй половины декабря 7150/1641 г. по челобитной Б.В. Арсеньева (см. (I, л. 135)), и среди 4 жильцов, указанных в них же в перечне выписки ноября 7150/1641 – середины мая 7150/1642 г. по челобитной И.В. Засецкого (см. (I, л. 161–162)), ни одного титулованного лица нет. Очевидно, приказные служащие, составлявшие выписки по челобитным, при подготовке перечней лиц, которым челобитчики «отечеством и службою в версту», учитывали в том числе и наличие у последних княжеского титула, никаких преимуществ, безусловно, своим обладателям не дававшего, но последовательно фиксировавшегося при их именах во всех документах.

Несколько челобитных из исследуемого комплекса освещают различные аспекты службы представителей московских чинов. Так, одна просьба касается выдачи жалованья: «По... государеву указу велено мне... быть на... службе на Яблонове... два годы. И каторые... ратные люди на... службе на Яблонове, и тем... денежное жалованье дано... Вели, государь, мне д[а]ть свое... денежное жалованье для... службы» (I, л. 1). Эта просьба была удовлетворена, равно как и просьба другого служилого человека об отправлении на ту же яблоновскую полковую службу (см. (I, л. 35–35 об.)). Три челобитных весны 7149/1641 г. содержат просьбы об отсылке на службу «на Тулу» с полком стольника кн. Я.К. Черкасского (см. (I, л. 80, 89, 105)). Наиболее интересна из них челобитная Н.М. Совина, аргументирующая эту просьбу предыдущей (7146 г.), «за отца своего» – тульской службой в полку боярина кн. И.Б. Черкасского (I, л. 89). А служивший ранее в полку кн. И.Б. Черкасского на Валуйке и Туле А.Г. Култуков просил государя отпустить его в «поместьецо... за Галичем» «службишком собратъце», на что получил 5 марта 7149 г. разрешение, и 12 марта был написан «в отпуске», «а к Москве... приехал мая в 20 день» (I, л. 17–17 об.).

Ранее нам приходилось писать об уникальной информации, содержащейся в некоторых пометах боярских списков о воеводской (в городах) деятельности членов двора, – о пребывании служилых людей на воеводстве с отцом или другим родственником (см. [8, с. 145]). За неимением подробных сведений мы предположили, что это «было вызвано практической необходимостью получения [ими] опыта административной деятельности» [8, с. 146]. Несколько челобитных исследуемого комплекса позволяют уточнить указанный вывод. Основной причиной, по которой молодые жильцы отпускались на службу со старшими родственниками, видимо, являлась их материальная зависимость от последних. Так, направленный «для селитренова варенья» в Хотмыжск и Вольный Курган дворянин московский В.С. Жидовинов просил отпустить с собой «беспомесного» «сынишка... Офоньку» (I, л. 9). Жилец кн. В.И. Волконский, отпрашиваясь на «государеву службу в Путимль» «з дядею с князь Петром Волконским», аргументировал это тем, что дядя, «князь Петр Федорович Волконской», его «поит... и кормит» (I, л. 11). Дьяк Д. Пустынников, которому «по... государеву указу велено... быть на... службе в Свяжске», просил «для [своей] старости» отпустить

с ним «сынишка... Васку», уточняя при этом, что «поместейца [за ним, дьяком]... и за сынишком... за Васьюю, нет нигде ни одной чети» (I, л. 75). В то же время дьяк Г.М. Волков объясняет необходимость отпуска с собой на службу в Казань «сынишка» тем, что он у него, дьяка, «один для смертного часу, надеяться не на ково» (I, л. 22). Все перечисленные просьбы служилых людей были удовлетворены. К этому необходимо добавить, что до настоящего времени единственным справочником, содержащим сведения о городских воеводах, остаются составленные А.П. Барсуковым в начале XX в. «Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия», однако информации о пребывании служилых людей на воеводстве со старшими родственниками (в частности, жильца Ильи Кожина с дядей, дворянином московским И.А. Кожиним, в Ефремове (см. (I, л. 19)), а также других, указанных выше) в нём нет (см. [9, с. 94, 106, 223, 239]).

Две челобитные содержат просьбы жильцов об отпуске со службы для возвращения беглых. При этом челобитная И.В. Оничкова достаточно скупа на подробности: в ней сообщается, что «во 148-м году бежали» от него «людишка... и ныне живут в Казани», поэтому, по помете, «149-го генваря в 28 день государь пожаловал, велел отпустить [его] на время» (I, л. 10–10 об.). Интереснее сведения челобитной К. Изъединова. По словам жильца, ранее он бил челом государю «о беглом своем крестьянине, о Миронке Андронове», который «живет в Костромском уезде, в вотчине Чюдова монастыря», и царь «велел архимариту Кирилу и келарю Сергию з братьею» возвратить беглеца. В ответ на это монастырские власти дали К. Изъединову «грамоту... в свою в вотчину о том крестьянине», для возвращения которого жилец и получил «149-го августа в 23 день» разрешение отбыть «с Москвы» (I, л. 24–24 об.).

Наконец, ещё одна челобитная – жильца Т.В. Марышкина – содержит просьбу об отпуске со службы «в Нижней для ради розделки крестьянских животишков» – имущества возвращённых беглых крестьян. Шесть бобылей, с которых челобитчик жил «на Москве без съезду», «были в бегах за боярином за князь Юрьем Еншеевичем Сулешевым, и тех бобыликов боярин... во 147-м году» велел ему отдать, «а животишков крестьянских, хлеба и животину, человек ево [боярина], Ондрей Петров», не отдал. Затем всё же князь «приказал отдать в Нижнем Новгороде тот хлеб и животину», а поскольку Т.В. Марышкину вместо себя «послать неково», «150-го сентября в 5 день государь пожаловал, велел отпустить [его] с сроком» (I, л. 5–5 об.). Возвращение беглых до принятия Соборного уложения ещё не стало в полной мере заботой государства, однако оно было заинтересовано в том, чтобы служилые люди имели возможность исполнять свой долг. Поэтому правительство старалось не допускать ухудшения материального положения представителей московских чинов двора, немедленно реагируя на произвол церковно-монастырских властей и даже виднейших бояр.

Несомненно, верховная власть видела в столичных служилых людях (в том числе и жильцах) основной кадровый резерв военной и административной службы и потому целенаправленно формировала его. Этим объясняется, как показывают челобитные, безусловный учёт при пожаловании в низший дворовый чин чиновного положения и служб родственников «соискателей». При назначении же новичного поместного оклада и денежного жалованья правительство

сталкивалось с необходимостью выявить место челобитчика среди его «родителей» и служилых людей его чина, для чего составлялись подробные разрядные выписки. Различные аспекты службы, фиксируемые челобитными, свидетельствуют о внимательном отношении верховной власти к просьбам представителей московских чинов, не выходящим за пределы установленного порядка. Особое значение имело для верховной власти поддержание благосостояния служилых людей, поскольку от него напрямую зависела сама возможность несения дворовыми службы. Поэтому, как свидетельствуют челобитные, государство способствовало возвращению беглых крестьян представителям московских чинов Государева двора.

Summary

M.R. Belousov. The Petitions of the Representatives of the Moscow Ranks of the Monarch Court in the 1640s as a Source on the History of the Interaction between the Supreme Authority and Military Servicemen.

This article investigates the informational possibilities of unpublished petitions of the 1640s by studying the interaction between the supreme authority and the military servicemen of the Moscow ranks. The petitions are classified by their content. It is revealed how they reflected the interests of the representatives (mainly tenants) of the Moscow ranks and how these interests were considered by the supreme authority. The study of different groups of petitions makes it possible to speak about the tendency of the supreme authority to form the main regular reserve of military and administrative service from military servicemen.

Keywords: petitions, monarch court, supreme authority, military servicemen, Moscow ranks, tenants.

Источник

I – РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 9 (Столбцы Московского стола). Ед. хр. 217.

Литература

1. Павлов А.П. Государев двор и боярская аристократия в послесмутное время // Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время): Сб. ст. – М.: Языки славян. культур, 2010. – С. 644–651.
2. Белоусов М.Р. Верховная власть и московские чины Государева двора России в середине XVII века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2011. – Т. 153, кн. 3. – С. 112–119.
3. Новохатко О.В. Разряд в 185 году. – М.: Памятники ист. мысли, 2007. – 640 с.
4. Кристенсен С.О. История России XVII в.: Обзор исследований и источников / Вступ. ст. и общ. ред. В.И. Буганова. – М.: Прогресс, 1989. – 256 с.
5. Правящая элита русского государства IX – начала XVIII в.: Очерки истории / Отв. ред. А.П. Павлов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – 548 с.
6. Павлов А.П. Ценный источник по истории русского дворянства XVII в. (Материалы жилецкого разбора 1643 г.) // Российское государство в XIV – XVII вв.: Сб. ст. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. – С. 308–436.
7. Лукичёв М.П. Боярские книги XVII века: Труды по истории и источниковедению. – М.: Древлехранилище, 2004. – XIV, 538 с.

8. *Белоусов М.Р.* Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник: в 2 т. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2008. – Т. 1. – 316 с.
9. *Барсуков А.П.* Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия: по напечатанным правительственным актам. – М.: Кучково поле, 2010. – 688 с.

Поступила в редакцию
10.12.2012

Белоусов Максим Рудольфович – кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии, источниковедения и методов исторического исследования, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: vonrheineck@yandex.ru